

СИМВОЛИКА ВОЛОС ЖЕНИХА В РУССКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ УДМУРТИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Научная статья

Толкачева С.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-9362-3017;

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (svetlana-tolk[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена выявлению характерных мифологических представлений, связанных с символикой волос жениха в русском свадебном фольклоре локальных традиций русского населения Удмуртской Республики. Данная тематика малоизучена в фольклористике и требует специального детального анализа. Изучение вербального обрядового кода свадьбы, связанного с символикой волос жениха, – сюжетов, мотивов, лексем, мифологем, и использующее методы сопоставительного и описательного анализа, гендерного подхода, позволило выявить некоторые особенности подобных мифологических представлений.

Выяснилось, что расчёсывание волос в процессе свадебного обряда является временем пребывания жениха в «особом» состоянии инициации, которое оказывает влияние на его последующую жизнь. Показано, что в текстах сохранились некоторые мифологические смыслы, связанные с этимологией слова «кудри». Выявлено, что описание процесса расчёсывания волос жениха ассоциируется с продуцирующей, созидательной силой, и часто дополняется парным гендерным образом – сестры, матери, подруги.

Описана апеллирующая к мужским волосам концептосфера – мифологические образы астрологических небесных тел, предметов, животных, растений, частей тела, символика кольца / круга, полумесяца, лучей, цветовая символика.

Данное исследование частично реконструирует мифологические представления и выявляет специфику свадебного обряда региональной фольклорной традиции.

Ключевые слова: кудри, волосы жениха, свадебный фольклор, русские песенные традиции Удмуртии.

SYMBOLISM OF THE GROOM'S HAIR IN RUSSIAN WEDDING SONGS OF UDMURTIA: GENDER ASPECT

Research article

Tolkacheva S.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-9362-3017;

¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

* Corresponding author (svetlana-tolk[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the identification of characteristic mythological representations associated with the symbolism of the groom's hair in the Russian wedding folklore of local traditions of the Russian population of the Udmurt Republic. This subject is understudied in folkloristics and requires a special detailed analysis. The research of the verbal ritual code of wedding, associated with the symbolism of the groom's hair – plots, motifs, lexemes, mythologems, and using the methods of comparative and descriptive analysis, gender approach, allowed to identify some features of such mythological representations.

It was found out that combing hair in the process of wedding rites is the time of the groom's stay in a "special" state of initiation, which influences his subsequent life. It is shown that some mythological meanings related to the etymology of the word "curls" are preserved in the texts. It is shown that the description of the process of brushing the groom's hair is associated with a productive, creative force, and is often complemented by a paired gender image – sister, mother, friend.

The conceptsphere appealing to men's hair – mythological images of astrological celestial bodies, objects, animals, plants, body parts, symbolism of ring/circle, crescent, rays, colour symbolism – is described.

This study partially reconstructs mythological representations and identifies the specifics of wedding rituals of the regional folklore tradition.

Keywords: curls, groom's hair, wedding folklore, Russian song traditions of Udmurtia.

Введение

Одной из насущных задач современной российской фольклористики является систематизация и структуризация научных исследований и полевых материалов в координации с ведущими антропоцентрическими концепциями лингвистики, культурологии, этнологии, этномузыковедения и др.

Изучение концептуальной сферы, посвящённой волосам в русской традиционной культуре, проводилось В.П. Бергер [1], [19], О.Л. Ермаковой [3], Е.Л. Мадлевской [5], С.К. Мамоновой [6], С.М. Толстой [13], Н.И. Толстым [14], В.В. Усачёвой [14], Р.Х. Хайруллиной [19] и др.

Целью настоящего исследования является реконструкция мифологических представлений, связанных с отношением к волосам жениха в период свадебного обряда на материале песен, причитаний и приговорок, бытующих в свадебных обрядах локальных традиций русского населения Удмуртской Республики (УР).

Статья посвящена изучению вербальных мотивов, сюжетов, лексики, мифологем обрядового свадебного фольклора УР, соотносимых с волосами жениха. Статья является продолжением начатого ранее исследования [12]. В данной статье используются описательный и сопоставительный методы исследования, гендерный подход.

Основные результаты и обсуждение

2.1. Этимология слова «кудри». Кудри как символ молодости и «незрелости». Связь с растениями

Корень слова «кудри» [17] происходит из праславянского языка. Слово это родственно также праславянскому слову *kǫdělъ, которое в древних славянских языках имело значение «кудель», «конопля», «лён», «пучок льна для прядения», «пакля», «веретено», «прялка», «свалявшийся пучок волос» и др. [16]. Таким образом, семантика слова «кудри» в русском свадебном фольклоре может подразумевать и кудрявые волосы, и то, что их надо расчесать, «распутать», и то, что они могут служить как бы основой для наматывания и материалом для дальнейшего использования. Лексема «кудри» в русской культуре, в числе прочих смыслов, соотносится с юным и молодым возрастом мужчины.

Во многих свадебных песнях подчёркивается молодость жениха, его социальная «незрелость» («холост-молост неженатый»), ритуальная чистота (через использование символики белого цвета – «белые», т.е. «чистые», кудри). Происхождение слова «кудри», его связь с растительностью, частично объясняет использование этой лексемы в описании растений, в эпитетах – сопоставлениях растений и людей, как, например, в песне «Березничёк невеличёк» (в статье все образцы фольклора – тексты песен, причитаний, приговоров – приводятся в сокращении, без учёта формы стиха и напева, но с сохранением орфографии и пунктуации первоисточников, за исключением полевых и опубликованных записей автора):

Березничёк невеличёк, вью, вью, невеличёк.

Когда взрос, когда вырос, вью, вью, когда вырос?

Вырос, вырос при дождычке, вью, вью, при дождычке.

Выцвел, выцвел при солнышке, вью, вью, при солнышке.

Ишшо кто жо да у нас холост, вью, вью, у нас молост?

Холост-молост неженатой, вью, вью, неженатой.

Сам-од белый-кудреватой, вью, вью, кудреватой. [11, С. 47]

В свадебных песнях «кудрявыми» могут называться верхушка берёзы, веточки сосны, яблоня:

Во сыром бору сосенка,

Зеленешенька срублена!

Много, много на сосенке ветвей,

Много, много на кудрявой ветвей,

Вдвое, втрое – отросточков!.. [18, С. 14-15]

Как под яблоней кровать, под кудрявой тесова,

Как на этой на кровати кавалер молодой.

Как на стульчике на венском кавалер молодой.

Против чистого он зеркальца

И румянится, и белится,

Хорошо он снаряжается! [18, С. 12]

2.2. Описания цвета кудрей. Плечи

В мотивах свадебных песен, связанных с волосами мужчин, почти всегда акцентируется их окрас. В некоторых песнях подчёркивается не просто русский цвет волос, или «белые» кудри, как уже упоминалось, но именно их насыщенность светом, интенсивность, что отражено в сравнениях с исходящих от волос жаром, или лучами, или с золотом. Золотой цвет может присутствовать и в сравнении головы жениха / парня / девушки, с головой голубя:

У галуби, у галуби залатая галава,

У галубушки маёй позалочинная... (Научно-отраслевой архив УИИЯЛ Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН), фольклорно-этнографическая экспедиция (ФЭЭ) 1994 года в село Арзамасцево Каракулинского р-на УР)

В свадебных песнях образы волос жениха / парней иногда дополняются упоминанием плеч, на которых они «лежат» и по которым «вьются». В русском фольклоре плечи символизируют устойчивость, жизненную силу, опору:

На ком кудерцы да, на ком русые,

Ай, люли, люли, на ком русые.

На плече лежат да, ровно жар горят,

Ай, люли, люли, ровно жар горят... [2, С. 255]

2.3. Координация символики «кудрей» и «головы». Образ «шапки»

С образом кудрей жениха непосредственно соотносится мифологема «голова», которая в традиционных свадебных песнях символизирует как верх человеческого тела, так и личность человека. С этим мифологическим образом в свадебном фольклоре координируются образы растений (берёза, сосна), птиц (голубь), предметы (шапка), природные явления (ветер). С образом «головы» в русских свадебных песнях соотносится также и образ невесты [12, С. 3946].

В свадебной приговорке дружки «В ясном пиру, в высоком терему» мотивы расчёсывания поезжанами голов и надевание ими шапок, то есть приведения причёсок и головных уборов в порядок (наряду с подготовкой коней), символизируют акт собранности, готовности к сложному обрядовому свадебному действию – пути за невестой:

...В ясном пиру, в высоком терему

Есть ли родимой тятенька и маменька в дому?

Позвольте дружке за скобочку пойматься,
 А потом за рюмочку взяться.
 Скок дружка через порог,
 Чуть ножки переволок.
 Глазки мутятся, язычок говорит,
 Со сватом, сватьей здороваться велит.
 – Здоровы, сват и сватья!
 Сегодня ли у вас свадьба?
 Сколько думали и мечтали –
 В один день свадьбу угадали.
 Коней призапрягли, головушки прирасчесали,
 Шапочки одели, сели и поехали... [11, С. 43-44]

Комический, вывернутый «наизнанку» факт поведения молодой с мужем, её «неумение» вести себя с мужчинами отображается в свадебной песне, исполняемой после бракосочетания, «Не во в тереме гуси-то да летали». В песне описывается, как тёща уговаривает зятя пожалеть её дочь, которая «не дроблена», не умеет ухаживать за мужем – «спускать» с коня, снимать шапку, перчатки, сапоги. Например, молодая «снимает» с мужа «шапочку» «совсем с волосами», и т.д.:

Не во в тереме гуси-то да летали да, эхехе, всё летали.
 Не во в тереме звон(е)чаты да стоя(э)ли да, эхехе, всё стояли.
 Ишшо некому гусей-то да наладить да, эхехе, всё наладить.
 Ишшо некому звон(е)чаты да напра(аха)вить да, эхехе, всё направить...
 ... Што Данилушко-то да дома не(е)ту да, эхехе, дома нету.
 Ишшо тёшша-то зятя угошшаёт да, эхехе, угошшаёт.
 Угошшаёт она да причита(а)ёт, эхехе, причитаёт:
 – Ох, ты ешь-ко ле, зядь да, наедайся да, эхехе, наедайся.
 Над моею дитёи не издева(а)йся да, эхехе, не издевайся.
 Как дитя-та моя да не (й)учёна да, эхехе, не(й) (й)учёна.
 Не(й) (й)учёна она да, не дроблена да, эхехе, не дроблена.
 Не(й) (й)умиёт она да мужа-то с коня-то спустити да, эхехе, всё спустити.
 Хоть и спустит она да – вниз(ы) головою, эхехе, низ головою.
 Не(й) (й)умиёт она да шапку-ту сняти да, эхехе, шапку сняти.
 Хоть и снимёт она – совсем(э) с волосами да, эхехе, с волосами... [8, С. 66-67]

В мотиве снятия «шапочки совсем с волосами» можно проследить такую особенность народного мировоззрения, как необходимость в нужной ситуации «прикрыть голову» волосами / головным убором, поскольку отсутствие головного убора в неприуроченное время и / или в неподходящем месте, по-видимому, воспринималось как обнажение не только головы, но и всего человека.

2.4. Использование лексемы «кудри» в описании образа невесты

Упоминание о кудрях в контексте свадебного обряда преимущественно связывается с обликом жениха или молодого мужчины. Вместе с тем в песенном корпусе русской традиционной свадьбы УР зафиксировано причитание «Приступись-ко, родна мамонька», в котором при описании инициационного разрушения косы девушки-невесты используется лексема «кудёрки». Употребительная лексема «волосы» заменена в причитании, опубликованном А.Г. Татаринцевым [9, С. 36], на лексему «кудёрки»:

«...невеста просит у родителей благословения пойти в баню. Вечером топят баню и ведут мыть невесту. А она поёт:

Приступись-ко, родна мамонька,
 Расчеши-ко мои кудёрки.
 Приступись-ко, родный батюшко,
 Расчеши-ко мои кудёрки.
 Приступитесь вы, подруженьки,
 Расчешите мои кудёрки...
 Невеста моется, «смывает» свою былую волю, а девушки поют в предбаннике...» [9, С. 36]

2.5. Специфическое использование глагольной лексики. «Развитие» кудрей

В песнях, где встречаются образы волос, кудрей, в лексическом строе акцентируются глаголы или прилагательные, подчёркивающие целенаправленные, активные действия с волосами, например, кудри «расчёсываются», «увиваются», «вьются». Описания даже лежащих на плечах волос насыщаются потенциальной энергией – волосы «лежат», «горят», «велят». В начало песни «На ком кудерцы» включено прилагательное, указывающее на уже произведённое с кудрями действие – они «подвивучие». В некоторых свадебных величаниях образ кудрей, подобно «русой косоньке» и / или «девьяй красоте» невесты, может персонифицироваться и, как бы, «отделяться» от образа жениха. Это заметно, например, в вопросе, обращённом к кудрям, и, далее, в повелении кудрей «жениться» своему хозяину:

На ком кудерцы, на ком кудерцы
 Да на ком русые да подвивучие?
 Ровно жар горят
 Да жениться велят... [18, С. 71]

В большинстве вариантов величания «На ком кудерцы» говорится не о «завитии», а о «развитии» кудрей. Поскольку в величании речь идёт о том, что кудри «хотят» / «велят» «развиться» в связи с «пожеланием жениться»,

можно сделать следующее предположение. Под употреблением этой, противоположной «завитию», лексемы, в мифологическом мышлении может подразумеваться постепенное «высвобождение» жизненной энергии в дальнейшей жизни молодой пары, в данный момент сконцентрированной в процессе свадебного обряда:

На ком кудерцы, на ком русые?..

Словно жар горят, развиться хотят...

Развиться хотят, жениться велят:

– Ты женись, женись, доброй молодец,

Ты возьми, возьми красну девицу... (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭЭ 1994 года в дер. Котово Каракулинского р-на УР)

В песне «А на ком, на ком кудри русые?» встречается ещё одна лексема, характерная для свадебных песен УР – «разбумаживать». Данное слово связано с символикой древнего происхождением слова кудри, и, в частности, с технологическим процессом обработки конопля [7, С. 75]:

– А на ком, на ком куд(ы)ри русьи?

– На Иванушке куд(ы)ри русьи.

По плечам лежит – словна жар гарит.

Да ни к(ы)то к куд(ы)рям не приступица.

Приступалася родна мамонька.

Начала кудри да расщёсывать.

Да расщёсывать – раз(ы)бумаживать. (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, ФЭЭ 1994 года в село Арзамасцево Каракулинского р-на УР)

Таким образом, описание образа жениха / парней с привлечением сюжетов и мотивов, соотносимых с волосами, в то же время подчёркивает в песнях мифологическое время обрядового действия – инициации жениха, его символический «переход» от юности, молодости к новому социальному статусу – зрелости.

2.6. Символика кольца, чары, перстня

В редкий для русской песенной обрядовой традиции УР текст песни «Шла наша невеста» включён мотив «завивавания» «кудерушек» жениха вокруг золотого перстня правой руки невесты. В данной песне мотив завития кудрей контаминируется с мифологемами золотого перстня и правой руки невесты («правая» рука – указательная, перстень – как «печать», т. е. старинный способ скрепления договоров):

«Вот такую еще помню песню, ее невесте поют:

...Шла наша невеста с высокого терема,

Несла она золотую чару вина,

Вино всё пролила,

Гляючи на Василья своего, на кудерушки его:

– Видеть ли кудерушки

На правой на ручушке,

На правой моей ручушке,

На златом на перстеньке?» [18, С. 15]

Данный фрагмент песни насыщен и другими мифологическими образами. Невеста несёт золотую чару вина, которую она проливает, заглядевшись на своего суженого. Вероятно, опрокидывание чары и пролитие вина в данном контексте может подразумевать брачные отношения. Поэтому упоминание о кудрях на правой руке невесты и о «златом перстеньке» на ней, скорее, соотносится с новым статусом молодой, с её изменившимися отношениями с мужем: с требованием верности.

2.7. Лучи, сияние, посев. Гендерная «парность» (жених и мать / сестра / невеста)

В некоторых величаниях жених / молодой мужчина или его волосы сравниваются с «красным» месяцем, с «золотыми рогами», с солнцем. В этих мотивах акт расчёсывания мужчины (обычно сестрой или его матерью) уподобляется рассеиванию солнцем лучей:

Как у месяца, как у красного

Золоты рога, золоты рога.

Как у солнышка – лучи ясные,

Как у Васеньки – кудри русые!

В три ряда кудри завивались,

Чистым жемчугом пересыпаны,

Завила кудри родна сестрица,

Под окошечком сидючи,

На светел месяц гляючи... [18, С. 15-16]

В сюжете величальных песен о завивании сестрой кудрей своему брату, обращается внимание на связь творческого акта «увития» кудрей с небесными светилами, на гармонию с этими космическими силами и на красоту его причёски (кудри – русые, «завивались» в три ряда, «пересыпаны» чистым жемчугом):

Как от солнца, от месяца

Золоты лучи сеяли.

Как у доброго молодца

В три ряда кудри вились.

Завивала ему сестрица,

Завивала-приговаривала:

– Ишшо быть тебе, милой брат,

Во торгу быть торговщичком,
 Во беседе – собеседничком,
 При своем доме – барином...
 При своем доме – барином.
 При своей жене – хозяином,
 При своей жене – хозяином.
 При губерне – губернатором,
 При губерне – губернатором. [2, С. 187]

В некоторых величаниях говорится о том, что кудри / волосы жених расчёсывает себе сам. Но в большинстве песен с мотивом расчёсывания волос жениха, и особенно в тех текстах, где акцентируется красота (гармоничность), чистота его кудрей («пересыпаны чистым жемчугом», «в три ряда кудри вилися»), сочетаются мотивы завивания / расчёсывания кудрей / волос сестрой / матерью и мотивы с их приговорами-благопожеланиями на «правильный» выбор дальнейшего жизненного пути, на будущую состоятельность, уверенность, социальную устойчивость брата / сына.

Ассоциативный мотивный ряд – рассеивание солнцем и месяцем лучей и расчёсывание кудрей жениха его сестрой – подчёркивает уподобление продуцирующей силы света от излучений солнца / месяца, созидательной силы приговоров сестры и потенциальной силы волос / кудрей жениха. Особенность данного образа подтверждается и синонимичным рядом в сходных сюжетах слов «сеяли» – «зелели» (может быть, в смысле «зеленели», всходили), как, например, в следующей песне:

Как от солнца, от месеца
 Хорошо лузя зелели.

Ой, как у (хо)... доброва молодца
 Хорошо кудри завитьё.

Ой, хорошо кудри завитьё,
 Завивала ему сестрица,
 Сестра мила-любимая.

Завивала-приговаривала:
 – Ищё быть тебе, милой брат.

Ищё быть, тебе милой брат,
 При торге быть торговщичё...

Ой, при торге быть торговщичком,
 При губернях – губернатором.

– Вся! С песенкой! (личные архивы Е. В. Поповой, С. В. Стародубцевой, ФЭЭ 1999 года в дер. Дрёмино Воткинского р-на УР)

В данных мотивах отражаются мифологические представления о необходимости гармоничного сочетания мужского и женского начал в акте со-творения чего-либо нового – новой семьи, новых социальных отношений, нового статуса мужчины. Подобные величания демонстрируют мифологические представления о том, что присутствие и приговоры сестры / матери / подруги молодого человека в момент созидания его причёски обладают магической силой для дальнейшей реализации благопожеланий.

Согласно исследованию Р. Б. Калашниковой, характерный «мотив «завивания головы / кудрей» молодца девушкой», в русских заонежских вечериночных и свадебных песнях «...означал установление любовных отношений между ними...» [4].

2.8. Зеркало

Обращает на себя внимание ещё одна редкая для свадебного фольклора Удмуртии мифологема: расчёсывание кудрей молодым мужчиной перед зеркалом. Включение зеркала – символа отражения человека в ином мире – в сюжет расчёсывания волос в величальные песни связано с тем, что сама ситуация проведения свадебного обряда проходит как бы между двумя «обычными» временами – тем, что было до свадьбы (детство, юность) и тем, что будет после – жизнь в качестве хозяина семьи [10, С. 135-136]. Мотив сидения жениха перед зеркалом подчёркивает ситуацию «инобытия» времени свадебного обряда. Расчёсывание волос перед зеркалом, к описанию которого к тому же прилагаются эпитеты «чистое» и «пречистое», усиливает в ситуации эту важнейшую сущностную ипостась свадьбы:

На диване в алом бархате
 Пред пречистым, чистым зеркальцем
 Тут сидел же добрый молодец
 Николай-то свет Иванович,
 Он чесал свои же русы волоса,
 Он чесал, сам приговаривал:
 «Прилегайте, мои русы волоса,
 Ко моему лицу белому,
 Ко моему платью цветному.
 Привыкай-ка, красна девица душа,

Свет и Анна Ивановна,
 Ко моему уму-разуму,
 Ко моему молодецкому» [15, С. 126].

В зафиксированной в Воткинском районе песне «Ох, ты, мальчик мой», которая исполнялась в приплясывании с зеркалом, также используются мотивы, связанные с кудрями молодого человека. Таким образом, сочетание вербальных мотивов, использующих символику кудрей, и кинетической составляющей исполнения песни, создают оригинальную атмосферу песни благодаря «переплетению» символики в разных видах текста – вербального, кинетического, акционального (пляска с зеркалом):

Ох, ты, мальчик, мой да розудальчик, мой,
 Чернобровый, черноглазый, русский, кудреватый...

Чернобровой, черноглазой, русский, кудреватой,
 Русы кудерцы витые, наставные волоса.

Русы кудерцы витые, наставные волоса,

Наставные, налитые, принапудренные... (личные архивы Е. В. Поповой, С. В. Стародубцевой, ФЭЭ 1999 года в дер. Черепаново Воткинского р-на УР)

В книге «Русский фольклор Удмуртии» А. Г. Татаринцева опубликована песня «У стола, стола филенчатого», записанная в селе Ежово Юкаменского р-на [9, С. 65]. В начале текста описывается, как жених Миша-господин «чешет голову» «против зеркала стекольного». При этом он просит невесту – Фису Ивановну – «завить кудри». Невеста отвечает, что завить их себе она не может, поскольку у неё уже своей воли нет – у неё воля тятенькина и маменькина. В тексте песни «У стола, стола филенчатого» используется не свойственный русскому фольклору Удмуртии мотив – жених просит завить кудри невесту. Отказ невесты мотивирован её рассуждениями о своей воле и о воле родительской, и оформлен уже традиционными мотивами. В данном тексте просматриваются процессы изменения традиционного, народного мировоззрения на более современный лад:

У стола, стола филенчатого,
 Против зеркала стекольного,
 Тут стоит, стоит и Миша-господин,
 Чешет голову, расчесывает,
 Он и с Фисой разговаривает:
 – Ты, мол, Фисочка, завей кудри,
 Ты, Ивановна, завей русы.
 – Я завить бы завил себе кудри,
 А теперь же воля не моя:
 А теперя воля тятенькина,
 А теперя воля маменькина... [9, С. 65]

2.9. Мотивы, включающие образ коня – мифологического помощника жениха / парня (кудрявого молодого человека). «Лети, калина»

На территории современной Удмуртии, в населённых пунктах северных районов, где население придерживалось старообрядческой веры, бытовала единственная зафиксированная русская свадебная песня, которая исполнялась во время отъезда жениха и поезжан из его дома за невестой – «Лети, калина» / «В лете калина» / «Летела калина». Текст песни трёхчастного строения. Каждая часть начинается со своеобразного рефрена, описывающего «отправную» точку отъезда – «полёт калины», расчёсывание и увивание кудрей, и, далее, наказ матери, как вести себя сыну в новом месте, когда он приедет за невестой. В контексте данного исследования обращают на себя внимание мотивы, сравнивающие перемещение доброго молодца (жениха) на коне с полётом зелёной калины, с описанием актов, предшествующих поездке – «увиванием кудрей» и «учесанием головы», наказы-приговоры матери:

Лети, калина,
 Зелена-молода, зеленёшинька-молодешенька.

Краше тово (2)
 Есть удалой молодец, разудаленькой доброй молодец,
 Всё Иванушко, всё Васильевич.

Увил кудри, (2)
 Учесал голову. (2)

Мати ему (2)
 Да наказывала, наговаривала:

– Поидёшь, дитя, (2)
 На чужу сторону, на чужу-дальную.

Подадут, дитя, (2)
 Перву чару вина. (2)

Ты ыё ни пей, (2)
Ты ыё вылей. (2)

Доброму коню, (2)
Коню на гриву, коню на гриву.

Штобы грива (2)
Кольчеватей была... [11, С. 52-53]

Использование в песне «Лети, калина» символики зелёного цвета ягод калины – времени начала оформления и созревания ягод, самой калины – символа любви, полёта – «сказочного», фантастического способа перемещения кустарника, «доброе» коня, гриву которого надо полить вином для её «кольчеватости» – создаёт образ сильного, любящего молодого человека, устремлённого к цели – привозу невесты. Характерно, что в данной песне мотив увивания кудрей жениха как бы усилен, удвоен мотивами, описывающими способы достижения «кольчеватости» гривы коня жениха.

Сюжет путешествия «кудрявого» молодого человека (жениха) на верном друге-помощнике коне часто встречается в свадебных песнях локальных традиций Удмуртии. Например, в песнях «А кто у нас холост», или «Паренёк кудрявый»:

Паренек кудрявый
Конечка имаёт.
Розонь, мой розонь,
Виноград зелёный!

Конечка имаёт,
Во седло седлаёт,
Розонь, мой розонь,
Виноград зелёный!

На коня садился,
Конь-от взвеселился... [18, С. 75]

А кто у нас холост,
А кто неженатый?
Иванушка кудреватый,
Девушки его любят,
На коня садится,
Конь под ним бодрится! [18, С. 75]

Заключение

Анализ текстов русского свадебного фольклора Удмуртии, в которых используются мотивы, связанные с волосами жениха, выявил несколько закономерностей, свойственных мифологическим воззрениям русского населения Удмуртии:

1. Функционирование лексем «волосы» и «кудри» в русском свадебном фольклоре УР имеют гендерные особенности. Упоминания о волосах и о действиях, связанных с причёсками мужчин (жениха и / или его друзей), встречаются редко. Лексема «кудри» ассоциируется преимущественно с мужскими образами. Описание процесса расчёсывания волос / кудрей жениха / парня в большинстве сюжетов дополняется парным гендерным образом – сестры, матери, подруги.
2. В песенных текстах и в приговорках дружеской концептосфера, связанная с мужскими волосами, задействует мифологические образы астрологических небесных тел (например, золотые рога месяца, лучи солнца), предметов (чара с вином, кольца, шапка, зеркало, печать), животных (конь, голубь), растений («березничёк», яблоня, калина), частей тела (голова, плечи), цветовую символику, и др.
3. Вербальные мотивы изобилуют глаголами и прилагательными, обозначающими действия с волосами.
4. Многие мифологемы в вербальном описании используют символику кольца / круга (солнце, кудри, голова, кольцо, «кольчеватость» гривы коня, зеркало), полумесяца (месяц), лучей (лучи, «развитые» кудри).
5. В текстах русского свадебного фольклора УР сохраняются некоторые мифологические смыслы, связанные с этимологией слова «кудри» (мотивы с упоминанием растений, употребление некоторых специфических лексем, используемых в описании обработки конопли, например, «разбумажить»).
6. Расчёсывание волос в процессе свадебного обряда является временем пребывания жениха в «особом» состоянии инициации, которое оказывает положительное воздействие на его последующую жизнь.
7. Кудри жениха, наподобие обрядовой причёски невесты [12, С. 3944], могут персонафицироваться.
8. В песнях могут указываться «специальные» места расчёсывания волос жениха – «диван алым бархотом», яблоня.
9. Во многих песнях приводятся тексты наговоров, приговоров, наказов от лица как самого жениха, так и его сестры, матери, с использованием мифологем как из обыденного мира, так и сакрального.

Результаты, полученные в исследовании, позволяют реконструировать мифологические представления, свойственные обрядовой ситуации свадьбы, выявляют некоторые специфические для русской фольклорной традиции УР лексемы, мотивы. В дальнейшем углублённое изучение вербальных текстов, соотнесение их с кинетическим,

акциональным, акустическим и другими обрядовыми кодами, позволят составить целостное представление о русской свадьбе УР. Полученные знания в сравнительном изучении могут быть использованы для сопоставления с культурными традициями соседних финно-угорских народов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бергер В.П. Культурный смысл свадебного обряда и его выражение в языках (на материале концепта ВОЛОС в русском, казахском и английском языках) / В.П. Бергер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 106–111.
2. Болдырева В.Г. Русская свадьба Среднего Прикамья / В.Г. Болдырева, С.В. Толкачева. — Ижевск : Шелест, 2018. — 302 с.
3. Ермакова О.Л. Тема бороды в русском фольклоре / О.Л. Ермакова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2010. — № 1 (5). — С. 224–228.
4. Калашникова Р.Б. Обрядовое содер^жа /ие и «присущивательная» символика заонежских беседных песен второй половины 19 века / Р.Б. Калашникова // Кижский вестник № 5. — URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-5/245.html#ref-id9314668> (дата обращения: 22.05.2023).
5. Мадлевская Е.Л. Девичья красота и социовозрастной статус девушки в традиционной культуре русских / Е.Л. Мадлевская // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2002. — URL: http://folk.spbu.ru/Reader/madlevskaja2.php?rubr=Reader-articles#_ednref22. (дата обращения: 22.05.2023).
6. Мамонова С.К. Символика косы/волос в русских свадебных причитаниях / С.К. Мамонова // Фольклор: структура, типология, семиотика. — 2023. — Т. 6. — № 1. — С. 74–92.
7. Панова М.В. Лексико-семантическая характеристика лексики обработки волокна в воронежских говорах / М.В. Панова, Д.В. Ульянова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2012. — № 8. — С. 67–86.
8. Стародубцева С.В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н.Е. Власовой). / С.В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — Вып. 1. Серия «Русский фольклор Удмуртии». — 226 с.
9. Татаринцев А.Г. Русский фольклор Удмуртии / А.Г. Татаринцев. — Ижевск : Удмуртия, 1990. — 368 с.
10. Толкачева С.В. Особенности бытования русской свадебной обрядности в Удмуртской Республике: хореография, кинетика, атрибутика / С.В. Толкачева // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 134–146.
11. Толкачева С.В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии: учебно-методическое пособие / С.В. Толкачева. — Ижевск : Удмуртский университет. — 60 с.
12. Толкачева С.В. Символика волос в русском свадебном фольклоре Удмуртии / С.В. Толкачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — Вып. 11. — С. 3939–3948.
13. Толстая С.М. Мотив расставания с волей / красотой в северно-русской свадебной причете: поэтика и мифология / С.М. Толстая // Уведи меня, дорога. Сборник памяти Т.А. Бернштам. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2010. — С. 149–158.
14. Толстой Н.И. Волосы / Н.И. Толстой, В.В. Усачёва ; отв. ред. С.М. Толстая // Славянская мифология: энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — С. 88–89.
15. Травина И.К. Русские народные песни П.И. Чайковского / И.К. Травина. — Москва : Советский композитор. — 1978. — 186 с.
16. Фасмер М.Р. Кудель / М.Р. Фасмер // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. — URL: <http://lexicography.online/etymology/vasmer/к/кудель> (дата обращения: 22.05.2023).
17. Фасмер М.Р. Кудерь / М.Р. Фасмер // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. — URL: <http://lexicography.online/etymology/vasmer/к/кудерь> (дата обращения: 22.05.2023).
18. Шуклина Т.А. Свадьба: учебное пособие / Т.А. Шуклина // Серия «Русский фольклор Удмуртии». — Глазов : ГГПИ, 2012. — 96 с.
19. Хайруллина Р.Х. Образ человека в мифологической картине мира (на материале русского, казахского и английского языков) / Р.Х. Хайруллина, В.П. Бергер // Филологические науки в МГИМО. — 2018. — № 14 (2). — С. 61–67.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berger V.P. Kul'turnyj smysl svadebnogo obrjada i ego vyrazhenie v jazykah (na materiale koncepta VOLOS v russkom, kazahskom i anglijskom jazykah) [The cultural meaning of the wedding ceremony and its expression in languages (based on the concept of HAIR in Russian, Kazakh and English)] / V.P. Berger // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. — 2019. — Vol. 12. — Issue 3. — P. 106–111. [in Russian]

2. Boldyreva V.G. Russkaja svad'ba Srednego Prikam'ja [Russian wedding of the Middle Kama region] / V.G. Boldyreva, S.V. Tolkacheva. Izhevsk : Shelest, 2018. — 302 p. [in Russian]
3. Ermakova O.L. Tema borody v rusском fol'klore [The theme of the beard in Russian folklore] / O.L. Ermakova // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija [Science of man: humanitarian studies]. — 2010. — № 1 (5). — P. 224–228. [in Russian]
4. Kalashnikova R.B. Obrjadovoe sodержanie i "prisushivatel'naja" simbolika zaonezhskih besednyh pesen vtoroj poloviny 19 veka [The ceremonial content and "prisushivatel'naya" symbolism of Zaonezhsky conversational songs of the second half of the 19th century] / R.B. Kalashnikova // Kizhskij vestnik № 5 [Kizhi Bulletin № 5]. — URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-5/245.html#ref-id9314668> (accessed: 22.05.2023). [in Russian]
5. Madlevskaya E.L. Devich'ja krasota i sociovozrastnoj status devushki v tradicijnoj kul'ture russkij [Maiden beauty and the socio-age status of a girl in the traditional culture of Russians] / E.L. Madlevskaya // Tradicijnye modeli v fol'klore, literature, iskusstve: V chest' Natalii Mihajlovny Gerasimovoj [Traditional models in folklore, literature, art: In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova]. — St. Petersburg : European House, 2002. — URL: http://folk.spbu.ru/Reader/madlevskaja2.php?rubr=Reader-articles#_ednref22. (accessed: 22.05.2023). [in Russian]
6. Mamonova S.K. Simvolika kosy/volos v russkij svadebnyh prichitanijah [The symbolism of the braid / hair in Russian wedding lamentations] / S.K. Mamonova // Fol'klor: struktura, tipologija, semiotika [Folklore: structure, typology, semiotics]. — 2023. — Vol. 6. — № 1. — P. 74–92. [in Russian]
7. Panova M.V. Leksiko-semanticheskaja harakteristika leksiki obrabotki volokna v voronezhskih govorah [Lexico-semantic characteristics of the vocabulary of fiber processing in Voronezh dialects] / M.V. Panova, D.V. Ulyanova // Nauchnyj Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija" [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. The series "Linguistics and intercultural communication"]. — 2012. — № 8. — P. 67–86. [in Russian]
8. Starodubtseva S.V. Oh, rospchal'noe mojo serdechko (pesni iz repertuara N.E. Vlasovoj) [Oh, my sad little heart (songs from the repertoire of N.E. Vlasova)] / S.V. Starodubtseva. Izhevsk : UIIAL Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999. — Issue 1. The series "Russian folklore of Udmurtia". — 226 p. [in Russian]
9. Tatarintsev A.G. Tatarincev A.G. Russkij fol'klor Udmurtii [Russian folklore of Udmurtia] / A.G. Tatarintsev. — Izhevsk : Udmurtia, 1990. — 368 p. [in Russian]
10. Tolkacheva S.V. Osobennosti bytovanija russkoj svadebnoj obrjadnosti v Udmurtskoj Respublike: horeografija, kinetika, atributika [Features of the existence of the Russian wedding ceremony in the Udmurt Republic: choreography, kinetics, attributes] / S.V. Tolkacheva // Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. — 2016. — № 11 (59). — P. 134–146. [in Russian]
11. Tolkacheva S.V. Russkij muzykal'nyj svadebnyj fol'klor Udmurtii: uchebno-metodicheskoe posobie [Russian musical wedding folklore of Udmurtia: an educational and methodological guide] / S.V. Tolkacheva. Izhevsk : Udmurt University. — 60 p. [in Russian]
12. Tolkacheva S.V. Simvolika volos v rusском svadebnom fol'klore Udmurtii [The symbolism of hair in the Russian wedding folklore of Udmurtia] / S.V. Tolkacheva // Filologicheski nauki. Voprosy teorij i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. — 2023. — Vol. 16. — Issue 11. — P. 3939–3948. [in Russian]
13. Tolstaya S.M. Motiv rastavanija s volej / krasotoj v severno-ruskoj svadebnoj pricheti: pojetika i mifologija [The motive of parting with will / beauty in the North Russian wedding ceremony: poetics and mythology] / S.M. Tolstaya // Uvedi menja, doroga. Sbornik pamjati T.A. Bernshtam pTake me away, the road. Collection of the memory of T.A. Bernshtam. — St. Petersburg : MAE RAS, 2010. — P. 149–158. [in Russian]
14. Tolstoy N.I. Volosy [Hair] / N.I. Tolstoy, V.V. Usacheva ; ed. by S.M. Tolstaya // Slavjanskaja mifologija: jenciklopedicheskij slovar' [Slavic mythology: an encyclopedic dictionary]. — Moscow : International Relations, 2002. — P. 88–89. [in Russian]
15. Travina I.K. Russkie narodnye pesni P.I. Chajkovskogo [Russian folk songs of P.I. Tchaikovsky] / I.K. Travina. — Moscow : Soviet composer. — 1978. — 186 p. [in Russian]
16. Fasmer M.R. Kudel' [Kudel] / M.R. Fasmer // Jetimologicheskij onlajn-slovar' rusского jazyka Maksa Fasmera [Etymological online dictionary of the Russian language by Max Fasmer]. — URL: <http://lexicography.online/etymology/vasmer/к/кудель> (accessed: 22.05.2023). [in Russian]
17. Fasmer M.R. Kuder' [Kuder] / M.R. Fasmer // Jetimologicheskij onlajn-slovar' rusского jazyka Maksa Fasmera [Etymological online dictionary of the Russian language by Max Fasmer]. — URL: <http://lexicography.online/etymology/vasmer/к/кудерь> (accessed: 22.05.2023). [in Russian]
18. Shuklina T.A. Svad'ba: uchebnoe posobie [Wedding: a textbook] / T.A. Shuklina // Serija «Russkij fol'klor Udmurtii» [The series "Russian folklore of Udmurtia"]. — Glazov : GSPI, 2012. — 96 p. [in Russian]
19. Khairullina R.H. Obraz cheloveka v mifologicheskij kartine mira (na materiale rusского, kazahskogo i anglijskogo jazykov) [The image of a man in the mythological picture of the world (based on the material of the Russian, Kazakh and English languages)] / R.H. Khairullina, V.P. Berger // Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences at MGIMO]. — 2018. — № 14 (2). — P. 61–67. [in Russian]